если бы былина о Михаиле Потыке была в действительности напечатана. Совершенно иначе обстоит дело с текстами былины об Илье Муромце: все известные нам тексты XVIII в. чрезвычайно близки, во многих случаях — до полного совпадения. Объясняется это не только популярностью сюжета, а и тем, что былина об Илье была напечатана, она вошла в лубочную литературу. Лубок поддерживал ее сохранность.

Текст былины о Михаиле Потыке в собрании БАН, 26.8.41 стоит во второй группе текстов и должен быть поставлен на последнем месте, так как на нем сильнее, чем на других, сказались изменения в соответствии с жизнью произведения в новой функции. Наиболее ярко они проявляются в следующем: 1) в изменении структуры предложения, обусловленном нормами книжной речи, которые привели к опущению союзов и частиц, к изменению порядка слов в предложении; 2) в изменении структуры прямой речи и переводе ее в косвенную; 3) в сокращении или упразднении «обрядности», характерной для устных произведений и в целом ряде других более частных деталей.

Сказание о трех богатырех земли/светоруские о Илье Муромцѣ о Иване Потоке о Олеше Попо/виче[1]

л. 126 В столномъ граде Киеве у великаго кня/зя Владимира киевскаго и Всеславеви/ча было пированье почестное на мно/гие князи и бояри, на силные могучие /богатыри, и на вся удалые молотцы. И какъ / будетъ у нихъ пиръ на веселие, что взгово/ритъ велики кн[я]зь киевский Всеславевичь: / «Ой вы, ой еси, кн[я]зи бояри и силные могу/чие богатыри, есть ли у меня кому служит / три службы великие, хто бы ехолъ в землю / турскую, взял бы дани и выходы, а хто бы / ехолъ в землю задонскую и взялъ бы дани / и выходы, а хто бы ехалъ в землю алвиц/кую, взяли бы дани и выходы за тритца/ть летъ и за три годы». Воставает тутъ съ
л. 126 об. места || богатырскова Илья Муромецъ с[ы]нъ Иванови/чь а самъ взговорить таково слово: «Светъ / ты г[осу]д[а]ръ, великий кн[я]зь Владимиръ киевский, / что никто, г[осу]д[а]рь, тебе ответу не даетъ? болшой / хоронитца за меншаго, а у меньшаго ответу не/тъ». Самъ взговорит таково слово: «Я, г[осу]д[а]рь, / поеду в землю турскую, возму дани-выхо/ды». Что взговоритъ Михайла Потокъ Ивановичъ: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю задонскую, во/зму дани и выходы». Что взговоритъ Оле/ша Поповичь: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю алви/цкую, возму дани и выходы за 30 летъ и за / три годы». И великому кн[я]зю то слово по/любилось, наливает онъ кубецъ меду слад/кова. И великому кн[я]зю называются братями / назваными, и с великимъ кн[я]земъ прощаютца, / и едутъ из града Киева.

И какъ будутъ да/лече во чистомъ поле, межъ собою слово молвили:
л. 127 || «Ой еси вы, братцы милые, хто у нас напередъ / приедетъ до Киева, а ково после не будетъ, и / намъ ехать тово сыскивать». И простясь о/ни поехали розно, всякъ своимъ путемъ. /

Михайла Потокъ Ивановичь едетъ подле / моря синева, ажна плаваетъ по мо/рю лебедь белая. И Михайло вынимаетъ из налучья свой крепкой лукъ, ис колча/на на калену стрелу: убить хотелъ лебедь бе/лую. И она ему провещала человеческимъ / голосомъ. «Ой ты ой еси, руской богатыр /Михайла Потокъ Ивановичь, не стреляй / меня, лебедь белую, я по морю плаваю, / лебедь белая, а пред тобою стану красна/ю девицею». И Михайла не успелъ стрелы положит в налучь крепкаго лука своего, / а в кол-

[1] *Рукопись ВБЛ, собр. Овчинникова, XVIII в., в 4-ку, полуустав, 166 лл., на лл. 126—140.*